

УДК 165

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

© Д. В. Варыгин

*Башкирский государственный университет**Россия, Республика Башкортостан, 450076 г.Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел./факс: +7 (347) 273 68 74**E-mail: dmitriy.varygin@yandex.ru*

В статье рассматриваются проблемы современной герменевтики. Указывается соотношение герменевтической практики и теории, отмечается недостаточная разработанность последней. Различается рациональная и иррациональная герменевтика. Отмечается необходимость преодоления субъективности автора и несовершенства языка для понимания смысла текста. Указываются основные особенности герменевтической логики и ее неклассический характер. Выявляется зависимость герменевтической истины не от объективной реальности, а от позиции автора. Выдвигается предположение о важности, актуальности и перспективности разработки проблемы понимания для философии естественных наук.

Ключевые слова: *герменевтика, понимание, герменевтическая практика, смысл текста, герменевтическая логика, реконструкционная гипотеза, интуиция, интерпретация, познание, текст, принцип соответствия, естественные науки.*

Герменевтика является одним из направлений современной философии и представляет собой философское учение о понимании. Герменевтика претерпела существенные изменения в процессе своего развития, вектор которых кратко можно выразить как движение от учения о методе (Шлейермахер, В. Дильтей и др.) к учению о бытии (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер и др.).

В данной работе мы поднимаем некоторые проблемы современной герменевтики: соотношение практики и теории, рационального и иррационального в герменевтике, проблему герменевтической логики.

Сразу определимся с тем, что понимается под герменевтической практикой. Понятно, что занимаясь интерпретацией какого-либо текста, мы занимаемся герменевтической практикой. Но определение герменевтической практики как любой деятельности по интерпретации текстов слишком широко и неопределенно. Для уточнения нужно соотнести понятие герменевтической практики с другими фундаментальными философскими понятиями.

Практику можно противопоставить теории как совокупности правил, которые эту практику регулируют, и как деятельности, которая призвана такие правила уточнять, разрабатывать и исправлять при необходимости. Вот здесь и начинаются трудности. Дело в том, что в рамках самой герменевтики, несмотря на то, что её проблемами плодотворно и в течение длительного времени занимались такие философы как М. Хайдеггер, В. Дильтей и Х.-Г. Гадамер, пока ещё не существует теоретического подхода, получившего всеобщее признание. Вообще, в герменевтической философии сделано многое: в частности, определено, что такое герменевтика, введены правила интерпретации, приводящие в результате к наиболее полному пониманию. Но надо сказать, что все эти правила несколько расплывчаты и имеют смысл только в каких-либо конкретных ситуациях. Можно сказать, что эти правила недостаточно обоснованы и формализованы.

Можно, например, привести четыре канона (критерия правильности) интерпретации современного философа Э. Бетти. Это каноны автономии объекта (смысл текста независим от

интерпретатора), тотальности (текст понимается как целое в соотношении с его частями), актуальности понимания (интерпретатор отталкивается от своего опыта, но не должен навязывать его тексту) и соотносимости смысла (интерпретатор должен преодолеть свои предрассудки). Но они носят довольно общий характер и не представляют разработанной теории.

В качестве примера можно привести такие правила интерпретации:

- При истолковании важно учитывать индивидуальные особенности личности автора;
- Необходимо учитывать особенности языка, на котором пишет автор;
- Любой текст нужно изучать в контексте культуры, в которой он был создан, и всего творчества автора;
- Нужно учитывать цели, которыми руководствовался автор;
- Для полноценного толкования нужно интуитивно проникнуть в «душу» автора, быть в какой-то степени сопричастным ему.

Понятно, что этот список можно продолжить. Однако, ясно, что такие более частные положения носят, скорее, характер советов, рецептов истолкования. Они не отличаются логической стройностью, не могут стать фундаментом для разработанной теории. К тому же, большинство таких советов, за исключением, разве что, требования «интуитивного вчувствования», входят в герменевтический круг как частные положения, и указывают на примат общего над частным при проведении интерпретации (предложение нужно понимать в связи со всем текстом, текст – в связи со всем творчеством автора, всё творчество автора рассматривать в контексте современной ему культуры и т.д.).

Чем обусловлена такая ситуация? Почему люди, занимающиеся интерпретацией, до сих пор не могут опереться на разработанную теорию осуществления интерпретации, хотя во многих других сферах научного и философского исследования (например, в диалектике) уровень теоретического обобщения гораздо выше?

Представляется, что во многом это связано с особенностями гуманитарного познания вообще. Дело в том, что гуманитарное знание менее упорядоченно, менее системно, чем знание естественнонаучное. Так, в естественнонаучных дисциплинах господствует одна парадигма, а в гуманитарных всегда есть несколько парадигм, которые борются друг с другом, и ни одна не может претендовать на единоличное главенство.

Кроме того, гуманитарные дисциплины отличаются и методом. Если в естественнонаучном познании метод является генерализующим (обобщающим), то в гуманитарном – индивидуализирующим (выявляющим особенное, уникальное).

Шлейермахер считал герменевтику искусством, а не научной дисциплиной, пусть и вспомогательной.

А ведь искусство нельзя рационализировать полностью, в нем всегда ключевую роль будут играть не- и иррациональные механизмы. Поэтому и нельзя и создать теории, которая бы позволяла творить новые гениальные произведения любому, кто эту теорию хорошо изучил.

Можно согласиться с тем, что герменевтика действительно во многом является искусством, а не строгой наукой. Ведь во время интерпретации мы не просто стремимся создать в своём сознании некий образ произведения (текста), в его существенных внутренних связях (что является идеалом и для естественнонаучных дисциплин, причём также недостижимым), а как бы творим произведение заново, в рамках наших личностных смыслов. Т.е. фактически происходит то, что Х.-Г.Гадамер назвал «приростом бытия», который представляет собой интерпретацию неоплатонической эманации: «в сущности эманации

заложено то, что эманурует преизбыток, а источник эманации при этом не умаляется» [1, с. 188].

Важно понять, что при интерпретации мы не просто заново воспроизводим текст, не просто заставляем его как бы играть новыми красками. Мы создаем новые смыслы, безусловно связанные с глубинными «истоками», со смысловыми корнями самого текста (если, конечно, мы хотим именно понять текст), но в тоже самое время отличные от ранее уже выявленных смыслов, связанных с этим текстом: вплоть до того, что, интерпретируя, мы можем создать практически новый текст, новое произведение, – поэтому герменевтика является не только методом или учением, наукой, но и проявлением творчества, событием искусства.

Так как герменевтика, по крайней мере, близка к творчеству, то в ней большую роль играет интуиция, которая тяготеет к иррационализму. В связи с этим далее мы постараемся рассмотреть соотношение рационального и иррационального в герменевтике.

Научное знание должно быть рациональным, в идеале в нем не должно быть места метафорам, чувственным образам и т.д. Но это только в идеале, реальная же наука синтезирует рациональное и иррациональное, и наиболее ярко это проявляется в творческой деятельности ученых.

Ведь новая гипотеза никогда не выводится абсолютно «рационально», иначе в творчестве ученых не было бы никакой необходимости, а все научное знание выводилось бы механически из предпосылок. По выражению М. Полани, «Открытие – творческий акт в том смысле, что его нельзя достичь прилежным выполнением какой-либо заранее известной и доступной определению процедуры» [2, с. 208].

Истории научных открытий – это часто истории драматические, где упорная работа сочетается с прозрениями, догадками, на которые подталкивают, казалось бы, совершенно не связанные с наукой вещи и события. Работе ученого обязательно присуща определенная эмоциональность: «страстность в науке – это не просто субъективно-психологический побочный эффект, но логически неотъемлемый элемент науки. Она присуща всякому научному утверждению» [2, с. 196].

Интуиция позволяет охватить весь массив фактов и сделать спонтанный вывод. В случае интерпретации интуиция позволяет «схватить» текст как целое и постичь его целостный, единый смысл. Ведь очевидно, что смысл всего текста не является механической суммой смыслов всех его частей.

О большой роли интуиции при интерпретации писали многие мыслители, при этом интуиция, понятие само по себе неоднозначное, понималась по-разному. В частности, в религиозной герменевтике много места посвящается «боговдохновенности» («богодухновенности»), которая и является в данном случае интуицией. Суть этой идеи в том, что верующие всех конфессий считают, что их священные книги и тексты созданы или самим Богом, или при прямом его участии (авторами, на которых снизошел Святой Дух, например). Таким образом, и читатель имеет возможность причаститься к священным текстам, «быть вдохновленным Богом», чтобы понять скрытый смысл, заключенный в священном тексте.

Шлейермахер считал интуитивное познание одним из важнейших путей герменевтики: можно разбирать сам текст, а можно интуитивно проникнуть в дух автора, причем оба пути равнозначны. Интуитивный аспект также достаточно силен у В. Дильтея, ведь понимать, по его мнению, мы должны прежде всего жизнь, которая иррациональна.

Далее, у М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера интуиция также занимает существенное место. Истину и метод Гадамер понимал как противоположности, и пытался избавить герменевтику от познавательных стандартов науки. Можно сказать, что предпонимание, которое

основывается на предпосылках и которое имеет такое существенное значение в герменевтике М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера, представляет собой результат первичной интуиции, на которой основывается все дальнейшее понимание. Следовательно, можно заключить, что понимание как познавательная процедура является не столько открытием чего-то нового с помощью некоего метода, а уточнением, уяснением и развитием интуитивного предпонимания.

Можно даже говорить о двух подходах в герменевтических исследованиях: интуитивном (иррациональном, связанном с вдохновением) и логическом (рациональном, направляемом методом). Наиболее продуктивным нам представляется совмещение обоих подходов. Проще говоря, герменевтика, которая стремится к наиболее полному пониманию, должна сочетать и рациональный, и иррациональный подходы.

Даже в самом «темном», неясном тексте всегда есть нечто рациональное – это хотя бы то, что нам хотел сказать автор, всегда в тексте можно выделить (иногда и с большим трудом) цели, интенции, которые в него вложены.

Современные исследователи в области герменевтической философии приходят к следующему выводу: «в силу никогда не исчезающего нерационализируемого компонента-остатка в любом глубоком тексте, в нем будет сказано нечто помимо воли автора, вместе с тем, автор не может подавить свое стремление интерпретировать – только так он может понять собственный текст» [3]. Здесь высказана важная мысль: рациональный компонент текста во многом обусловлен тем, что сам автор пытается понять свой замысел, свои мысли. Мы же в процессе интерпретации стремимся раскрыть отношение автора к предмету текста. Именно его отношение к предмету текста является «мостиком» к объективному смыслу. Мы не обращаемся к смыслу напрямую, а всегда делаем это с помощью автора, отталкиваясь от его текста.

В этом заключается одна из сложностей герменевтической практики: в тексте нам никогда не дан смысл напрямую, он уже преломлен в сознании автора и языке. Мы вынуждены постигать объективный смысл, преодолевая субъективность автора и несовершенство языка (а язык всегда несовершенен, поскольку необходимо выразить бесконечные грани смысла). В то же время мы не можем полностью отказаться от автора и языка: ведь тогда и понимать будет нечего. Смысл всегда высказывается кем-то с помощью языка, он не существует отдельно от человека и его речи.

Здесь есть кажущееся противоречие: смысл объективен, и в то же время мы не можем познать его в отрыве от автора и его произведения. Но противоречие именно кажущееся, на деле здесь нет никакого противоречия. Объективный смысл не может быть дан нам вне языка и произведения автора, он не может упасть с неба, как божественное откровение. И сводить произведение только к субъективному замыслу автора тоже нельзя, ведь тогда герменевтический процесс станет бессмысленным, т.к. при этом бесполезны интерпретации, которые ничего не добавляют к этому субъективному замыслу. Таким образом, мы видим, что смысл текста объективен, но дан нам через язык и произведение автора.

Если в иррациональной герменевтике никакая логика, строго говоря, не является необходимой, а понимание осуществляется интуитивно, в ситуации инсайта, то в рациональной герменевтике можно говорить об особой герменевтической логике, на основе которой должна выстраиваться структура понимания, включающая в себя его основные формы и этапы.

В современной методологии гуманитарного познания предлагается такой вариант герменевтической логики: «Мы понимаем **A**, если и только если:

- 1) знаем смысл известных частей **A**;
- 2) существует реконструкционная гипотеза **h** о смысле **A**;
- 3) наделяем смыслом (интерпретируем) непонимаемый остаток;
- 4) объясняем роль каждого элемента (части) в структуре целого **A** относительно гипотезы **h**;
- 5) если гипотеза **h** позволяет объяснить роль каждой части в формировании смысла целого **A**, то процесс завершается (мы постигаем смысл **A**, то есть понимаем **A**), а если роль какой-либо части не объяснена, то формулируется новая реконструкционная гипотеза и процесс повторяется начиная со второго пункта. И так до тех пор, пока не будет установлен смысл **A**» [4, с. 55].

В целом, такая логика основывается на исторически сложившейся герменевтической традиции. В частности, Шлейермахер указывал на то, что герменевтика нужна при непонимании, а необходимость в реконструктивной гипотезе **h** как раз и появляется при интерпретации непонимаемого остатка. Также здесь воспроизводится тезис о предпонимании: мы всегда уже что-то понимаем в исследуемом тексте и интерпретируем остальные аспекты.

Но здесь есть и важное отличие. Если Х.-Г. Гадамер, скорее, полагал, что мы изначально понимаем текст как единое целое, а в процессе интерпретации только уточняем и как бы разворачиваем это понимание, то, по мнению современного исследователя В.Г. Кузнецова, мы изначально способны понимать только часть текста, на основе этого понимания для реконструкции мы выдвигаем гипотезу **h**, которую затем проверяем «на практике», т.е. стремимся с ее помощью понять смысл целого, т.е. всего текста, и если у нас это получается, то гипотезу **h** считаем верной.

Гипотеза **h** при этом называется «реконструкционной» по следующей причине: мы пытаемся воссоздать, реконструировать смысл целого, недоступный нам по каким-либо причинам: например, из-за временной дистанции, из-за различия культур или по иным причинам.

Подход В.Г. Кузнецова примечателен еще тем, что он использует «мериологическую индукцию», о которой писал ещё Дильтей. Мериологическая индукция представляет собой переход не от частного к общему, как в обычной индукции, а «от части к целому». Опираясь на такой метод, необходимо учесть, что перейти от частного к общему можно только после тщательного обширного исследования, долгого перебирания множества фактов, и все равно такой вывод будет вероятностным, переход же «от части к целому» позволяет обойтись меньшим количеством фактов, потому что даже по смыслам одной части (если она важна) можно восстановить смысл целого. Так, например, по одной важной детали опытный механик может воссоздать всю машину в целом. Конечно, в таком случае части могут и не соответствовать изначальному замыслу целого, но идея машины в целом будет понята и отражена механиком правильно.

Важнейшая особенность герменевтической логики – принцип герменевтического круга. Если в формальной логике «логический круг» считается ошибкой, то в герменевтической логике – единственно возможным механизмом приращения знания. Разумеется, неверно было бы отождествить герменевтический круг с логическим кругом формальной логики. Во временной перспективе герменевтический круг, скорее, представляет собой восходящую спираль, по которой движется наше понимание.

Герменевтическую логика относится к неклассической: как отмечает В. Г. Кузнецов, перед герменевтической логикой «встают проблемы совершенно необычные с точки зрения формальной логики, такие, например, как проблема прямого и косвенного значения, соотношения первоначального (этимологического) значения и узуса (общепотребительного

значения) слова, «контекстного следования», «тропного следования», «энтимематического следования» и т. п. Все эти проблемы ждут своего окончательного решения, хотя некоторые из них поставлены уже давно» [4, с. 47].

Очевидно, что эти проблемы не могут разрабатываться в формальной логике, поскольку они находятся за рамками ее проблемного поля. Однако, поскольку логика как наука занимается исследованием проблемы истинности и ложности суждений, можно предположить, что герменевтическая логика тоже должна быть каким-то образом с ней связана.

Главной особенностью герменевтической истины является ее зависимость от позиции автора, а не от объективной реальности. При интерпретации нам важно выяснить точку зрения автора и смысл, который он вкладывает в текст, а не то, какова объективная реальность, в рамках которой этот текст создавался. Например, геоцентризм в космологии является давно опровергнутой гипотезой, поскольку объективный факт состоит в том, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Но, например, герменевтическая истина интерпретации «Альмагеста» Птолемея состоит как раз в геоцентризме.

На основании вышеизложенного, можно предположить, что понимание как познавательная процедура имеет место не только в гуманитарных, но и в естественнонаучных дисциплинах. Например, схему с реконструкционной гипотезой, которая была приведена выше, можно приложить и к естественнонаучному познанию: на основе данных мы выдвигаем гипотезу, которую проверяем с помощью эксперимента. Если гипотеза объясняет всю совокупность имеющихся фактов, она становится теорией.

Также можно провести аналогию между герменевтическим кругом и принципом соответствия, который был сначала сформулирован для квантовой механики Н. Бором, а затем расширен на другие научные дисциплины. Герменевтический круг утверждает, что понимание постоянно уточняется в герменевтическом процессе, мы не отбрасываем наши старые представления, а уточняем их. Принцип соответствия указывает нам на то, что новая теория не противоречит старой теории, а дает те же следствия в частных случаях. Новая теория – развитие и уточнение старой теории.

Таким образом, можно предположить, что проблема понимания касается и естественнонаучного познания. Разработка этой проблемы имеет хорошие перспективы, так как представляет собой новый взгляд на современные задачи философии естественных наук. Проблема понимания актуальна для современной философии, в том числе, и в связи с развитием методологии естественнонаучных дисциплин. Представляется, что разработка этой проблемы, возможно, позволит вывести философию естественных наук на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод: основы философской герменевтики*. М., 1988. 704 с.
2. Полани М. *Личностное знание*. М., 1985. 344 с.
3. Гижа А. *Интерпретация и смысл (структура понимания гуманитарного текста)*: Монография. Харьков, 2005. 404 с.
4. Кузнецов В.Г. Логика гуманитарного познания. // *Философия и общество*. 2009. № 4. С.22–63.
5. Августин А. *Христианская наука, или основания герменевтики и церковного красноречия*. // Открытая библиотека святоотеческой литературы Agios: электронная энциклопедия. 2011. http://agios.org.ua/wiki/index.php/Аврелий_Августин_Христианская_наука
6. Бетти Э. *Герменевтика как общая методология наук о духе*. М., 2011. 144 с.
7. Дильтей В. *Собр. соч. в 6 томах. Т. 3, 4. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова*. М., 2001.
8. Фалёв Е.В. *Герменевтика Мартина Хайдеггера*. СПб, 2008. 224 с.
9. Хайдеггер М. *Исток художественного творения*. М., 2008. 528 с.
10. Шлейермахер *Герменевтика*. СПб, 2002. 242 с.